

234. САМЫЛИН МАТВЕЙ ЕГОРОВИЧ, 1879 г.р. – Заонежского района, Космозерского с/с, д. Артово – колхозник Космозерского колхоза «Красный космозер», 59 лет, маленько грамотный, семейный: семья 3 человека – жена и дочь воспитанница; жене 58 лет, дочери 17 лет; дочь окончила семилетку и один год сельхозтехникума, сейчас не учится и не работает, живет дома – здоровье плохое. В колхозе состоит Самылин семь лет, в настоящее время в колхозе состоят около

Самылин Матвей Егорович

35 семей; раньше было до 85 колхозных хозяйств; ушли некоторые в кадры, в город, на железные дороги. Т. Самылин М. Е. работает сапожником в колхозе в свободное время от полевых работ.

Родители Самылина почти батраки (земли на 25 бабок имели), отец умер на охоте, медведь помял его. Самылин остался 13 лет. «За год до смерти отца меня отдали в сапожную мастерскую в Ленинград в мальчишки, там я проучился только год. После смерти отца остался в деревне работать». Имеет одну сестру (живет в Артово) в колхозе; т. Самылин участвовал в Германской войне один год, в Февральскую революцию был в Ленинграде, в Красном Селе в 176-м полку, принимал участие в революции, контужен в Германскую войну.

Репертуар М. Самылина записан в 1926, 1937–1938 гг.: былины 1. Как во славном городе во Киеве (Добрыня Никитич), 2. О Ставре сыне Ягодиновиче, баллады, духовный стих, сказки, песни и др. (АКНЦ 122/54. Л. 508 (рукопись), л. 509 (м/п копия).

234а. Из статьи А. М. Астаховой «Былина в Заонежье»: «Типичным представителем группы сказителей, „забывающих“ <былины>, является Матвей Егорович Самылин, 47 лет, из Космозера. Это грамотный крестьянин, занимавшийся и занимающийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом, живший в Ленинграде и принимавший участие в Германской войне. Былины он знает от своего деда, Александра Тимофеевича Плакидина из Шуньгской волости, и от деда другого сказителя П. Г. Горшкова, Павла Перфильевича Горшкова¹. Кроме того, сам Самылин упоминает, что видел в семье книжку, где была, например, былина о Дюке Степановиче. Однако, если книга поддерживала, быть может, знание его деда, то для самого Самылина основным источником служило исполнение былин теми двумя стариками, о которых было сказано. Старик Плакидин, по словам его дочери и самого Матвея Егоровича, пел хорошо, не пересказывал, постоянно пел на беседах. Сам он „холост был – пел на беседах, да никто не перенял“. „Пел смолоду, память сшибло в Германскую войну“. Помнил былины о Ставре и о Добрыне, но от пения переходит к сказу, сбивается, начинает передавать про-

¹ О П. П. Горшкове см. № 50а нашего издания. – Составитель.

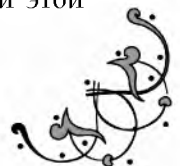
зой, просто пересказывая отдельные эпизоды, иногда лишь вставляя былинные выражения и стараясь попасть в былинный ритм. Получается пестрый, нестройный рассказ, в котором одни места передаются совсем сокращенно, другие развернуты, в прозу влетают отдельные стихи; целый отрывок былины, хорошо сохранившийся, сменяется кратким пересказом. При передаче забывает целые эпизоды. Так, из былины о Добрыне совсем выброшенным оказался эпизод об Алеше, как обманщике, уверяющем мать Добрыни в его смерти. При дальнейшей передаче <Самылин> сам чувствует, что выходит неловко: неясно, как же узнают о смерти Добрыни. Когда я напоминаю о роли Алеши, пытается припомнить, „как это сказано“. При названии ряда былинных сюжетов загораются радостью, пробует вызывать в памяти то отдельные стихи, то целые эпизоды. Видно, в памяти залегло много осколков прежнего, но лишь только осколков. От него записано, кроме указанных двух былин, еще, тоже сильно позабытый и сокращенный, вариант былины „Молодец и худая жена“ и ряд духовных стихов. Относится Матвей Егорович к старинам и стихам с громадным уважением. Трогательно было видеть то напряжение, с каким пытался он восстановить в своей памяти забытое: как огорчался он, когда не мог вспомнить, и с каким восхищением слушал, когда я напоминала ему некоторые стихи. Иное отношение у него к сказкам: „Сказки“, говорит он, „неинтересны, другое дело старины“. Исключение он делает лишь сказке про Еруслана Лазаревича, которая в его восприятии объединяется с былинами.

Степень забывания и проявления его у сказителей различны, в зависимости от сложившихся условий жизни, быть может, и от личных особенностей памяти сказителя <...>. Матвея Егоровича Самылина, тихого, кроткого крестьянина, с громадной любовью к былине, односельчане с легкой усмешкой называют „чудаком“». (Астахова, 1927. С. 84–85, 82).

2346. Из характеристики Матвея Егоровича Самылина: «М. Е. Самылин относится к тем сказителям, которые, хотя сами по разным причинам почти совсем растеряли свое былое знание, продолжают по-прежнему любить и ценить эпическое наследие.

В 1926 г. – это крестьянин-бедняк д. Демидово Космозерского сельсовета, односельчанин П. Г. Горшкова, грамотный, занимавшийся, кроме сельского хозяйства, сапожным ремеслом. Впоследствии – колхозник той же деревни. Живал в Петрограде. Принимал участие в Первой мировой войне, был ранен в голову, вследствие чего сильно ослабела память. Умер в годы Великой Отечественной войны.

Когда-то знал целый ряд былин, усвоенных им от своего деда Александра Тимофеевича Плакидина из б. Шуньгской волости и от другого хорошего сказителя Павла Перфильевича Горшкова, деда современного космозерского сказочника и исполнителя былин Петра Григорьевича Горшкова. „Пел смолоду, – говорил про себя Самылин, – память сшибло в Германскую войну“. Кроме публикуемых былин <№ 161, 162 в указанном ниже издании>, от него в 1926 г. была записана схема былины о Добрыне и Алеше, отдельные отрывки этой

былины и стихи о братьях Лазарях, об Алексее и отрывок из „Голубиной книги“ (Рукоп. хранил. Сект. фольк. ИРЛИ, колл. II).

<...> Творческое движение тридцатых годов среди сказителей и певцов Карелии неожиданно выдвинуло М. Е. Самылина в первые ряды сказителей нового, советского эпоса. Сказитель, до тех пор лишь передававший сравнительно жалкие остатки своего былинного репертуара, обнаружил незаурядные творческие данные. Им сложена былина о полярниках, <...> былина о Ворошилове. В них видим большую теплоту, искренность, поэтичность. Свои новые произведения Самылин пел на характерный былинный напев, приятным задушевым голосом. Сам сказитель чрезвычайно был увлечен своим творчеством. Самылин – яркий, убедительный пример тех народных дарований, которые пробуждены к творчеству всем содержанием и характером нашей замечательной эпохи». (Астахова, Т. II. С. 377).

234в. Из статьи Н. Г. Черняевой «О былинных сказителях Карелии»: «<...> Стремление в ряде случаев свернуть повествование, нарушить былинный размер – становится определяющим у заонежского сказителя М. Е. Самылина <...>. Из былин М. Е. Самылина дважды записана лишь былина о Ставре (Астахова, Т. II. № 161; № 13 в указанном ниже издании). В варианте А. М. Астаховой больше прозаизации, чем в нашем варианте. Сказитель минимально варьировал набор мотивов: лишь в одном месте изменил он состав и последовательность – Настасья состязается в стрельбе из лука, Настасью испытывают в бане. <...> Сравнивая словесные отрывки двух записей, автор статьи пришла к выводу, что стабильные по составу и синтаксису строки сочетаются с заметно измененными. Некоторые строки пропущены, другие взяты из общеэпического запаса, ряд строк повторяется. Есть и строки явно неэпические, но построенные по традиционным былинным образцам: „А гости торговые хвастают торговлею, Что заморские товары были дороги“.

Сжатость изложения былин, разрушенный стих, перешедший местами в прозу, объясняются забыванием старин М. Е. Самылиным, который их „пел смолоду“, но запомнил. Вероятно, редкое исполнение былин ускорило процесс их распада. В текстах Самылина сохранены сюжетобразующие, ключевые мотивы повествования („Добрыня и Алепа“ № 11, „Женитьба Дуная и князя Владимира“ № 12)». (Черняева, 1981. С. 22).

234г. Из статьи Н. Ф. Онегиной «О сказочной традиции Заонежья»: «Как и большинство сказочников Заонежья, Самылин Матвей Егорович – носитель многожанрового фольклора. От него записаны былины, баллады, исторические песни, духовные стихи и четырнадцать сказок. <...> Надо отметить, что сказки Самылина отличаются некоторой схематичностью. Сам он объяснял это просто: „Сказки неинтересны, другое дело старины“ <...>. Все же мы сочли необходимым представить его в <указанном ниже> сборнике (№ 45, 46).

Сказка „Про царя Соломона“, усвоенная Самылиным устным путем, генетически связана с былинной, хотя в репертуаре самого сказителя былины о Соломо-

не нет, но в Заонежье их зафиксировано пять вариантов, а во всей Карелии – одиннадцать <...>. Кроме сказки Самылина, в Карелии еще известны четыре сказочных текста о Соломоне (три пудожских и один поморский варианты). Но публикуемый заонежский текст не имеет ни былинных конструкций, ни лексических, ни стилистических особенностей эпических песен». (*Онегина, 1986. С. 22*).

234д. Из письма М. Е. Самылина от 25 июня 1939 г. в КНИИК, в котором он делится своими впечатлениями о поездке в г. Петрозаводск на конференцию сказителей. Письмо получено 28 июня 1939 г.: «Здравствуйте, дорогие товарищи сотрудники научно-исслед. Института. Всем, всем многоуважаемым шлю я Вам свой пламенный привет от души и сердца моего. В первых строках моего письма спешу уведомить вас, что с конференции приехали благополучно. Здоровыми. На пароходе пели былины, народу ехало много и слушали со вниманием или внимательно каждый, тем более женщины, которые еще ничего не слухали; были деревенские, очень понравилось, публику интересовало. Нас поблагодарили за былины. Приехали домой. Деректор детского дома спрашивал, я ему все высказывал, что было на конференции, председателю колхоза и председателю сельсовета. На конференции нас приняли хорошо и конференцию провели в полном порядке, образцово. Я работаю не покидая рук. Пахал, запераю изгороди. До меня все было поло: ворота в полях не были закрыты. Время свободного нет пока. Вы пишете, что чем недовольны. Мы всем довольны. <Далее былинным стихом Матвей Егорович рассказывает, как их обслужили, где они побывали, что смотрели, какие вынесли впечатления. А заканчивает письмо так:> Еще шлю пламенный привет сотрудникам Института, советским писателям, что я довольный вами. Еще шлю свой пламенный привет академикам – ленинградским, московским, киевским, белорусским, Калининградской области, орденоносной Воронежской области. Самылин Матвей Егорович с почтением к вам. В колхозе засеяно 45 гектар кое-чего. У нас в колхозе и по Заонежскому району сеяли привозной рожью. Осенью озим выстала хорошая. А во время весны ни одного роска нет. Посеяли площадь пшеницей. Извиняюсь, что долго я вам письма не писал, ввиду того, что работой отягощен колхозной, и свои сады – пришлось хотя и поздно вато зарыть картошку, еще пришлось вновь запереть изгородь, 200 жердей принес и запер. Былину я напишу о Сталине». (*АКНЦ 72/83. Л. 37*).

235. САННИКОВА ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА, 1882 г.р., д. Емичевская (Толвуй). В 1944 г. – год записи – ей исполнилось 62 года. После смерти матери осталось 6 человек детей. Четырнадцатилетняя Елена Федоровна была самой старшей из них. В 14 лет она уже вопила на могиле матери. «Шестеро осталось, так было вопу, – сказала она. Столько вопила, что замертво с могилы соймут». До войны они жили в дер. Емичевская (Загубье). Во время оккупации Заонежья деревня была сожжена дотла. У нее отняли корову и переселили в Фоймогубу. Единственный сын находился в армии, остался жив. Муж умер девять лет назад. После освобождения Заонежья вернулась в Загубье, живет в чужом доме. Сразу после возвращения Елена Федоровна пошла на кладбище и вопила на могилах.

